

Канитель

СЧЕТОВОД Иван Петрович бросает ещё несколько костяшек на счётах, сердито сплёвывает и лезет в карман за табаком:

— Чорти што! Не сходится. Который раз не сходится!

Дверь в правление колхоза открывается. Входит старик с белой бородой, в полушубке и шапке:

— Здравствуй, Иван Петрович!

— Моё вам, дедушка Михай! Зачем пожаловал?

— Да мне б, Иван Петрович, узнать, сколько трудодней я выработал.

— Это можно. В один момент всё выясним!

Иван Петрович берёт толстую конторскую книгу, принимается листать её.

— Дедушка Михай, дедушка Михай... — бормочет он.

В комнату вбегает молодая краснощёкая женщина.

— День добрый! — говорит она.

— Наше вам! — отвечает Иван Петрович и начинает листать сначала. — Чорт те знает, дедушка Михай, куда ты запропастился!

— Посмотри и мне заодно, Иван Петрович, — говорит женщина.

Счетовод бросает на неё взгляд поверх очков, сползших почти на самый кончик носа:

— Анна Семёновна?

— Не Семёновна, а Сергеевна!

— Точно, Сергеевна! Это Кошелева Семёновна. Так-с! Ага! Как раз на тебя наткнулся. Сто двадцать трудодней, как одна копеечка.

— Да ты что! — сердито говорит Анна Сергеевна. — Месяц тому назад сто пятьдесят было, а теперь сто двадцать.

— Не горячись, не горячись! — счетовод поправляет очки, но они через секунду вновь соскальзывают на кончик носа. — Из этой книги ничто никуда не девается. Всё здесь.

Он слюнявит палец и листает страницы. В это время в дверь медленно входит старушка лет шестидесяти с корзинкой на руке.

— Здравствуйте, дорогие! — говорит она.

— Наше вам! — отвечает Иван Петрович. — Что, трудодни пришла узнать?

— За тем самым. Мимо шла, дай, думаю, зайду.

— Можно, можно! Один момент. Сейчас найдём, Аксинья Ивановна Петрикова, значит, Петрикова, Петрикова, Петрикова... — бормочет Иван Петрович. — Вот она! Пятьсот десять трудодней, как одна копеечка!

— Да что ты, милый! Смеёшься? Куда столько? Не те уж силы-то мои, чтобы по столько выработать. Мне чужого не надо.

— Аксинья Ивановна Петрикова?

— Я самая.

— Ну, так вот, записано тебе пятьсот десять трудодней. Ясно?

— Да куда мне столько? Нет, прошу тебя, разберись.

— Иван Петрович! — говорит Анна Сергеевна. — Кончил бы со мной, а потом с другими разбирался. Работа ждёт.

— А я тоже не баклуши быю! — строго говорит счетовод и начинает искать в книге Анну Сергеевну. — Стоп! Вот ещё Анна Сергеевна, только почему-то Петрикова.

— Петрикова, Анна? — спрашивает бабушка Аксинья. — Кто же это? Так это ж внучка моя! Второй годок ей пошёл.

— Второй годок! — кричит Иван Петрович. — Как же такая работать может? И как она сюда попала? Тридцать трудодней уже начислено. Развелось вас, Анн, и не разберёшь, где которая!

— Меня не нашёл, Иван Петрович? — спрашивает дедушка Михай.

— Михай, Михай... — шепчет он. — Вот Михай, да только Власов, а ты Каблуков.

— Михай Власов! — восклицает бабушка Аксинья. — Господь с тобой! Да ведь он ещё весной помер!

— Помер? Ага. Сам же я на его похоронах был. Как же это он успел триста трудодней заработать?

— Здорово у тебя покойнички работают! — ядовито говорит Анна Сергеевна. — Куда нам, живым, с ними тягаться!

Иван Петрович рассердился и захлопнул книгу.

— Ну, мне ласы точить некогда! — кричит он. — Мне в район на совещание пора. После зайдёте!

— Нет, уж ты сейчас найди! — твёрдо говорит Анна Сергеевна.

Иван Петрович мгновенно смотрит на неё убийственным взглядом поверх очков и принимает соломоново решение:

— Бабушка Аксинья! У тебя трудодни лишние, говоришь?

— Лишние, милый! Мне чужого не надо. Ты мон-то найди!

— Ну вот, стало быть, с твоих начислим Анне Сергеевне — и дело с концом!

— А я-то как же, Иван Петрович? — бормочет дедушка Михай.

— И тебе подкинем. Всем хватит. Разберёмся!

Он швыряет бумаги в ящик стола, щёлкает ключом, схватывает портфель и бежит к выходу.

В. ПТИЦЫН

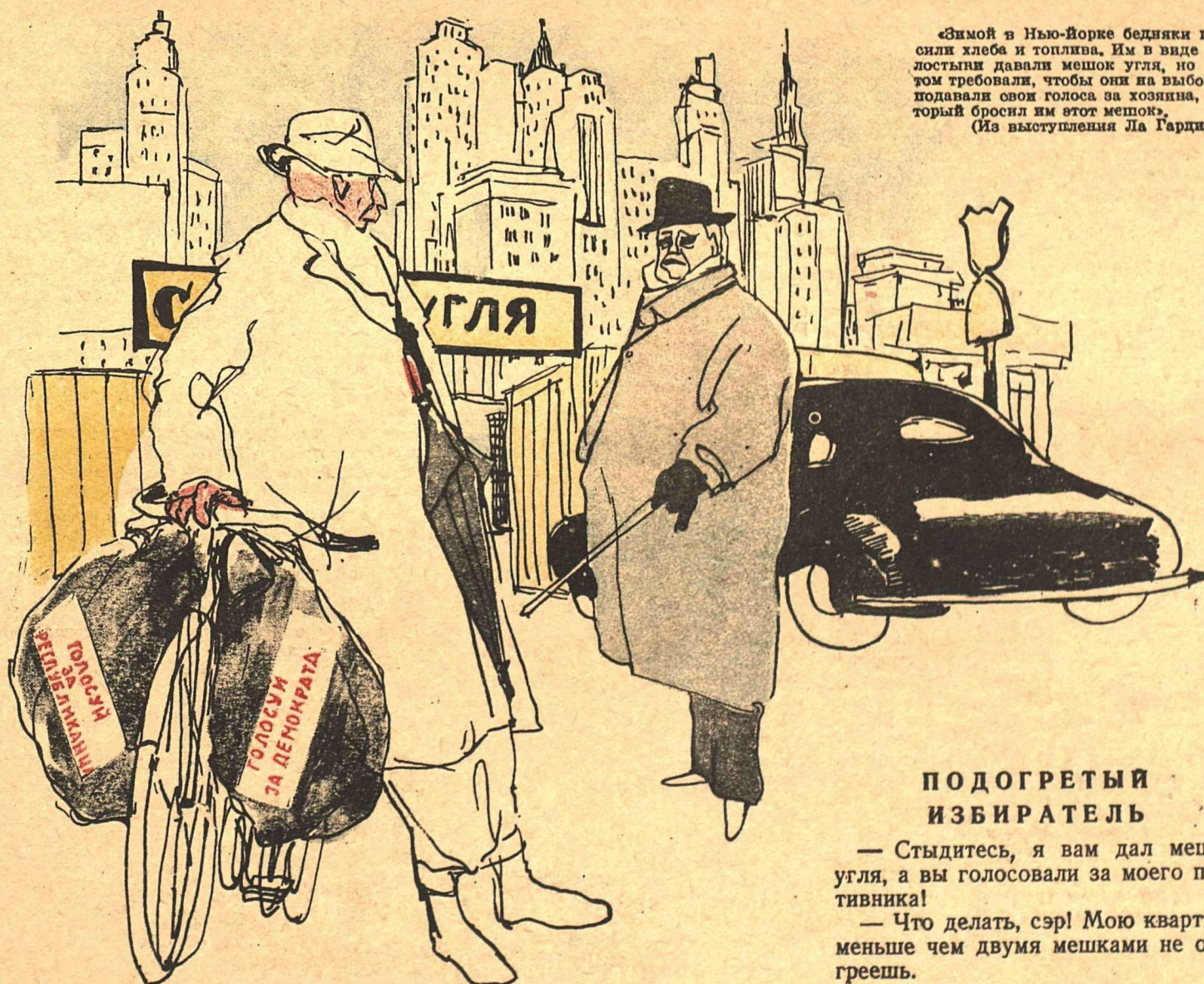

Рис. В. Горяева

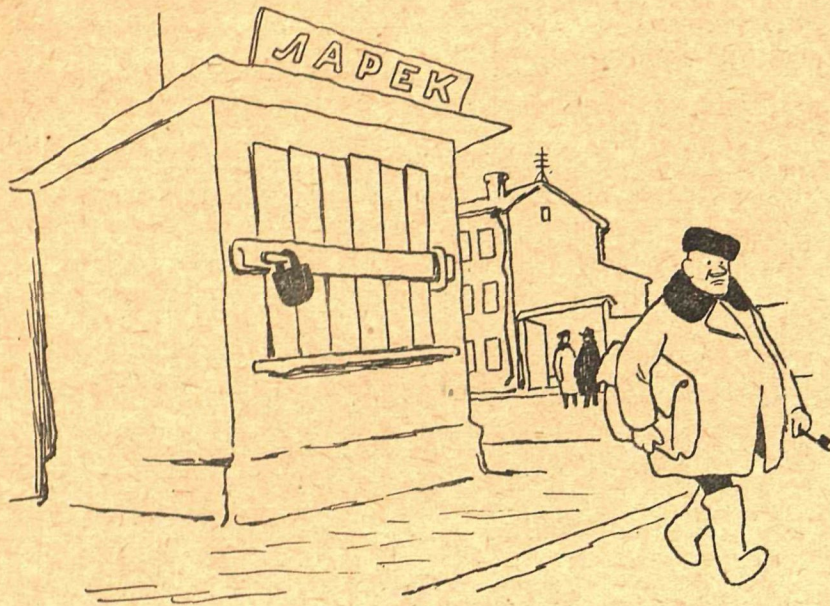
«Зимой в Нью-Йорке бедняки просили хлеба и топлива. Им в виде милостыни давали мешок угля, но потом требовали, чтобы они на выборах подавали свои голоса за хозяина, который бросил им этот мешок».
(Из выступления Ла Гардиа.)

ПОДОГРЕТЫЙ ИЗБИРАТЕЛЬ

— Стыдитесь, я вам дал мешок угля, а вы голосовали за моего противника!

— Что делать, сэр! Мою квартиру меньше чем двумя мешками не обогрешь.

НАУРСКАЯ ЛЕЗГИНКА

Однажды на ларёк
Какие-то дельцы повесили замок.
Открыть его никто из них не догадался...

... А ларчик просто открывался.

Кто как реагирует

Стала оперяться
Моя кооперация.
В. Мачковский.

Беспечнее младенца я
Тихонько торговал.
И слова «конкуренция»
Не ведал, не знавал.
Бывало, заготовлю я
Товарец кой-какой...
И мне за госторговлю
Прохлада и покой.
А нынче — как вам нравится! —
По-новому поют:
Изволь, директор, справиться,
Поспеть и там и тут.

За фирму надо драться и
Создать ассортимент.
Встаёт кооперация,
Идёт кооперация,
Серьёзный конкурент!

В торговле было всякое!
Хватало там ленцы.
А нынче — так маракую —
Почешетесь, купцы!
Не угодите ежли вы, —
Ударим вас рублём:
Откланяемся вежливо,
К другому завернём.
Вон кооперативные
Лабазы и ларьки.
Эй, кто оперативнее, —
Меня и завлеките!

Доволен этим, братцы, я —
Не передашь в словах!
Живи, кооперация,
Яви, кооперация,
И сметку и размах!

В. ГРАНОВ.
П. КАРАБАН

НАДНЯХ мы получили письмо следующего содержания:
«Привет, дорогие товарищи, из станицы Наурской, Грозненской области!»

Вам, полагаю, известно, что наша станица является родиной знаменитой наурской лезгинки, очень популярной и любимой среди подлинных танцоров и плясунов. Сколько души и огня в этой пляске! Это тебе не чахлый фокстрот, танец ревматиков и подагриков, — наурская лезгинка требует ловкости, умения, быстрых темпов, горячей хватки, крепкой подошвы!

Приезжайте к нам, дорогие товарищи, и вы увидите, как резво в танце ходят ноги некоторых наших районных работников, какие кренделя выделывают они в честь одного жителя станицы.

Настоящий джигит — заведующий районным земельным отделом Володин! Расступись, ребята! Шире круг! Плавно выступает заврайзо. Сначала медленно, тихо, затаив дыхание, но вот будто ветер сорвался с горных круч, будто река в половодье, сметая камни и завалы, заливал берега.

Не выдержала душа прокурора. Овчинников пустился за Володиным — как бы преследуя его. Но, нет, я неправильно выразился. Нет, прокурор не пустился за ним, он не преследует его. (О, если бы это было так!) Заврайзо танцует сам по себе, а райпрокурор — сам по себе. Ходуном ходит Овчинников, и кажется, вот-вот загорится под ним мать сыра-земля.

Число райплясунов увеличивается. Дайте место, ребята! Лихо откалывают лезгинку Столярова и Ермаков.

Столярова носится лёгкой птицей, и кажется, что вот она крылом касается земли, чтобы вслед за тем взмыться вверх.

Ермаков вошёл в раж. (Горяч парень, горяч!) Он танцует с приловьем. Умилно глядя на Дмитрия Прокопова, председателя колхоза «Красный Наур», Ермаков припевает:

«Поцелую, обйму,
Алой лентой перевью,
Надёженькой назову,
Надёженька ты моя,
Верно ль любишь ты меня?»

По ритму своему эта песенка ничего общего не имеет с наурской лезгинкой. Но тут надо отметить, что в старый танец нашей станицы эти плясуны внесли вредную отсебятину, добавили такие коленца, которые отнюдь не одобряются наурцами.

Обращает на себя внимание, что плясуны то и дело земно кланяются. И кланяются они не вообще, а вполне конкретно — в сторону Дмитрия Прокопова. Вот в честь кого — лучшие кренделя плясового искусства.

Председатель колхоза это чувствует. Он является большим сторонником такого вида балета. И Прокопов говорит, намекая на какой-то неприятный акт ревизии:

— Этот акт будет лежать в районе целый век, и никто меня не потревожит...

Что же написано в акте?

Тут я должен малость отвлечься от хореографии и коснуться географии.

Есть, значит, станица Наурская. И есть, значит, город Одесса. И в том городе Одессе проживают родичи Прокопова. И родичам председателю всё время отправляет в Одессу колхозную пшеницу — речь идёт не о фунтах и праммах, а о пудах и центнерах.

В том самом акте ревизии говорится ещё и о том, как щедрый Прокопов презентовал колхозную свинью с пятью поросятами директору Винкомбината Шульге — вот тебе ещё один танцор!

И себя не забывает председатель. Себе по доброте сердечной он подарил колхозную корову и шестипудового кабана.

В том акте ревизии говорится ещё очень многое: о воровстве, хищениях и прочих безобразиях.

Да и без всяких актов давно знают в районе всю биографию Прокопова. Колхозники не раз писали, добавляя всё новые штрихи к портрету их председателя.

Но в районе у Прокопова есть крепкие защитники. Они оберегают его. Они танцуют вокруг него:

«Надёженька ты моя,
Верно ль любишь ты меня?..»

Потому что у этих «аблакатов» рыльце и в муку и в меду.

Все упомянутые выше плясуны получают задарма из колхоза муку, мёд, масло, крупу, сахар.

Вот и танцуют. И мы, жители станицы Наурской, спрашиваем: «Когда же они дотанцуются?»

Г. РЫКЛИН

В БУХТЕ ЗОЛОТОГО РОГА

(ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ)

С КАПИТАНСКОГО мостика раздалась команда. На берегу закопошились люди. Американский пароход «Джон Гейтс» отдал, как полагаются, концы и, покачивая тяжёлыми бортами, покинул гостеприимную Констанцу, взяв курс на Босфор.

Капитан судна, двадцатипятилетний молодой человек, гордившийся тем, что он самый

молодой капитан американского торгового флота, с подчеркнутой вежливостью оказывал нам, русским инженерам-пассажирам, внимание. После первого же обмена мнениями выяснилось, что капитан родился в Одессе, где-то между Молдаванкой и Пересыпью, и ребёнком увезён за океан.

Сейчас молодой капитан жаждет купить обыкновенный тульский самовар, повезти его в Америку и преподнести своей мамаше. Но в Констанце он самовара не нашёл, а Одессу ему посетить не удалось.

Кроме капитана и его чиф-мейта (главного помощника) на пароходе были ещё три американца: один джентльмен и две мисс. Они возвращались на родину из Румынии, где их хранили всю войну от гестаповских ищеек.

Приближаемся к берегам Турции.

— Они теперь ликут, — сказал с усмешкой капитан.

Я догадался, что «они» — это турки, и спросил:

— Предстоит какой-нибудь праздник?

— О, праздники они любят! По поводу и без повода. Турки умудрились даже отпраздновать День Победы раньше всех победителей.

— То есть как? — заинтересовался один из моих приятелей.

— Это уже восточная предусмотрительность. На рассвете 7 мая 1945 года — за два дня до праздника — по улицам столицы бежали полицейские и будили домовладельцев, приказывая вывесить флаги в честь победы над гитлеровской Германией. А когда взошло солнце и население высыпало на улицы, то все увидели, что на трёх зданиях флаги отсутствуют. Это были здания посольств: американского, советского и английского. Произошёл конфуз. Через час флаги бесшумно убрали.

— А теперь почему они ликуют? — перебил снова мой приятель.

— По поводу приезда английского бригадного генерала Шорта.

В полдень «Джон Гейтс» бросил якорь на рейде, и перед нами предстал пёстрый, как цыганская шаль, Стамбул на холмах.

На спардеке раздался предупреждающий голос:

— Мы окружены!

За бортом горланил табун турецких лодочников. По трапу поднялись первые гости. Так сказать, визитёры. На них были поношенные мундирчики мышиного цвета с поблекшими от

времени медными пуговицами. Казалось, что это близкие родственники Киселя и Клюквы из шекспировской пьесы «Много шума из ничего». Короче, это были турецкие полицейские.

Мы собрались на берег, но кисели и клюквы преградили нам дорогу:

— Господа! Это не Индия...

При чём тут Индия, мы так и не поняли.

— Это не Индия, а Турция. Кто желает осмотреть достопримечательности города, сдайте паспорта. В восемь вечера получите обратно.

Полицейские возвратились не в восемь, а в десять. И вручили паспорта. Но только американцам.

— А где наши? — спросили мы.

— В вашем консульстве.

— Определённо врут, — вмешался чиф-мейт, — я их натуру знаю.

На другой день мы увидели гребную лодку, приближавшуюся к пароходу. По трапу взшёл сотрудник нашего консульства. Мы радостно приветствовали своего соотечественника.

— Я только час назад узнал о вашем приезде, — сказал он.

— А наши паспорта?

— Ничего не ведаю.

Через несколько часов мы стояли уже на твёрдой почве. Позади нас на дистанции в три шага следовал «незнакомец» в поношенном костюме и засаленной кепке. Это был тайный агент полиции, не собиравшийся делать тайну из своей профессии.

У храма Айя-София нас встретил старик. Бритый. С рыжими бровями и сигарой во рту.

— Я бывший английский офицер, — сказал он. — Артиллерист. В прошлую войну застрял в этой стране. Так и остался. Разрешите быть вашим гадом. Вас восемь человек? Со мною девять. Возьмите билетки. А, и шпик здесь? На десятого брат не будем.

Мы вошли в храм, ныне музей.

Шпик, пытавшийся прошмыгнуть за нами, был задержан контролёром.

— Зайцем не удастся, — сказал бывший английский офицер.

— Господа. — начал гид, — вы и без меня, я надеюсь, знаете, что храм этот христианский. Стены, как видите, измазаны турецкими надписями. Не старайтесь их расшифровывать. Бесполезно.

И вдруг, без всякой связи с предыдущим, добавил:

— Вам нужно помнить, что здесь в ходу готтентотская мораль: «Хорошо — если я украду твою жену. Зло — если ты украд мою жену». При таком мошеннике пера, как Ялчин (с ним вы можете познакомиться в фелдаксии, но не рекомендую), нет ничего удивительного в живучести этой морали. Если не верите мне, могу лишь сказать вам восточной поговоркой: «Поживи здесь — узнаешь...»

«Тайный» агент всё же купил билет и снова очутился подле нас. Когда мы покидали храм, один из наших инженеров решил надуть шпика и предложил следующий план.

— Мы, — сказал он, — выйдем на улицу. Быстро разделимся на две группы. Усядемся в такси. Разъедемся в разные стороны. А встретимся у здания советского посольства.

Агент метнулся в одну сторону, потом в другую и, убедившись, что он остался в дураках, прекратил преследование. Но у посольства нас встретили другие шпики.

Кстати о машинах. Водители такси несутся с бешеной скоростью. Быстрая езда в Стамбуле считается шиком. Путь машины избирается шофёром по вкусу. Он вправе ехать по правой стороне, по левой, обгонять, как ему угодно, и врезаться в встречную машину. Выходя утром из дому, вы не уверены, что вечером вернётесь целым и невредимым.

Шум и галдёж на улицах невообразимые. Я был свидетелем, когда галдёж заглушил в порту все пронзительные гудки автомобильных сирен, полицейские свистки и лягз лебёдок. Тогда один из полицейских отпустил увесистую пощёчину какому-то крикуну. Наугад, без выбора. На пять минут наступил порядок.

Говорят, что полицейский отпускает от 10 до 12 оплеух в час на предмет восстановления тишины.

Через три дня «Джон Гейтс» снялся с якоря и ушёл в Измир на погрузку. Измир назывался четверть века назад Смирной. Мы попали в разгар происходившей выставки-ярмарки. На ярмарке — ничего интересного, обыкновенная, грязная толкучка.

Перед отъездом мы увидели на рынке самовар. Настоящий тульский самовар.

Пузатый кипятильник был куплен двумя мисс за баснословно дорогую цену. Когда на другой день «Джон Гейтс» снова отдал концы и Измир остался позади в золотой дымке, они извлекли самовар из бумаги и торжественно установили его в кают-компанию. Никакое известие о надвигающемся шторме не изумило бы так капитана, вошедшего в эту минуту в кают-компанию. Он протёр длинными пальцами глаза и забормотал:

— Это во сне или наяву?

Приближаясь к Новому свету, они подарили капитану самовар. Принимая его, он сказал:

— Как жаль, что он куплен в бухте Золотого Рога, а не в Одессе. Но мамаше я этого не скажу.

Иллюстрация С. Костина

Господин на ножках низких,
Весел, юрок и румян,
Из породы самых близких
К человеку обезьян.
К разным группам подбегает,
Щурит глазки, руки жмёт
И головкою кивает,
И хихикает, и врёт.
Голосок его пискливый
Раздаётся там и тут,
Толстый, маленький,

плешивый,
Сибарит, делец и шут —
Он неспросту бьёт баклуши,
Он трудится больше нас:
Настороженные уши,
Волчий зуб и лисий глаз!

Что вам нужно? Закладную?
Москву, мужа... дачу, дом,
Капитал?... Рекомендую:
Не ударит в грязь лицом!

Честолюбье ль вас тревожит?
Он карьере даст толчок,
Даже выхлопотать может
Португальский орденчик!

По руке пригнать перчатку —
Дело Гроша! Всюду вхож,

[ГУБЕРНАТОР]

Сидел на губернаторстве
В Якутске генерал.
Так на кол тот коровушек
Сажал! Долгоныко слушались:
Весь город разукрасили,
Как Питер — монументами,
Казнёнными коровами,
Пока не догадались,
Что спятил он с ума!

(Из поэмы «Кому на Руси
жить хорошо». 1872.)

Он туда просунет взятку,
Что руками разведёшь..
Гроша вывели из мрака
Случай, ловкость и родня,
Не выходит он из фрака,
Пробудясь, кричит: коня!
В девять рыщет по трущобам,
Ищет нужного дельца,
В десять — шествует за гробом
Сановитого лица;

До двенадцати — в передних
У влиятельных господ,

В час — в приюте малолетних,
Где молебен и отчёт.
В два — за завтраком
с кокоткой
(Он кокоток первый друг),

С трёх — на бирже. День
короткий —
Пообедать недосуг!
Вечер: два, три комитета,
Оперетка и балет,
И у дамы полусвета
За рулеткой — дня рассвет.

(Из сатиры «Современники»,
1875..)

«Примиритесь же с Музой моей!
Я не знаю другого напева.
Кто живёт без печали и гнева,
Тот не любит отчизны своей».

Но в тех редких случаях, когда поэт избирал своим оружием смех его сатира была столь же сокрушительна, как и тогда, когда в ней слышалась скорбь.

Шедевром некрасовского юмора является сатира «Современники» обличающая банкиров, фабрикантов, биржевых и железнодорожных дельцов и прочих финансовых хищников, расплодившихся при покровительстве свыше в конце царствования Александра II. В этой сатире десятки

[ЛИБЕРАЛ]

Князь Трубецкой... уж он ли
над Россией,
Над мужичком голодным
не грустил?
А кончил тем, что с земской
гарантией
По пустырям дорогу
проложил.
И с помощью ненужной той
дороги
Отяготил крестьянские
налоги.

(Из сатиры «Современники»,
1875.)

* * *

Рост высокий, стан
не гибкий,
А лицо... странней всего.
Как не высекали ошибкой
По лицу его!

(Из сатиры «Современники»,
1875.)

МОЛОДЫЕ

Повенчавшись, Парасковье
Муж имущество казал:
Это стойлице коровье,
А коровку бог прибрал!

Нет перинки, нет кровати,
Да тепло в избе полати,
А в клетке, вместо телят,
Два котёночка пицат!

Есть и овощ в огороде —
Хрен да луквица,
Есть и медная посуда —
Крест да пугвица!

1866.

Я проект мой излагал
Ясно, непременно —
Сухо молвил генерал:
«Это невозможно!»

Я протекцию сыскал
Всё обставил чудно,

(Из са

О ДНЯ РОЖДЕНИЯ

портретов, списанных Некрасовым с натуры. Здесь и министр финансов, и знаменитые железнодорожные магнаты Губонин, Варшавский, фон Дервиз, фон Мекк, и «купленные» ими инженеры, чиновники, профессора, журналисты. В широко обобщённом виде здесь показаны почти все представители командующих классов тогдашней России в виде сплотившейся шайки, грабящей беззащитный народ.

Великая поэма «Кому на Руси жить хорошо» тоже включает в себе немало проблесков некрасовского юмора. Но в тех местах поэмы, где этот юмор обращён к крестьянам, он становится беззлобен и мягок — это дружеский юмор. Здесь Некрасов улыбается благодушной улыбкой, как и подобает тому, кто в родной семье, среди своих. Вообще только в крестьянских стихах и чувствуется благодушная улыбка Некрасова, — в таких, как «Дядюшка Яков», «Крестьянские дети», «Сват и жених», «Коробейники», и в том отрывке из поэмы «Кому на Руси жить хорошо», который воспроизводится здесь.

Корней ЧУКОВСКИЙ

АЯ ДЕРЕВНЯ

I
Бабушка Ненила
у леса попросила,
и не жди — не будет!
Барин нас рассудит,
что плоха избушка,
у,— думает старушка.

II
Лихоимец жадный,
цы косячок изрядный
плутовским манером —
ин: будет землемерам!
е: «Скажет барин слово —
отдадут нам снова».

III
Хлебопашец вольный,
немец сердобольный,
ель. «Погодим, Игнаша,
ин!» — говорит Наташа.
— дело чуть за спором —
ин!» — повторяют хором...

IV
на чужой земле
урожай сторичей;
ки ходят бородаты,
ный угодил в солдаты,
вадьбой уж не бредит...
барин всё не едет!

V
ы среди дороги
и показались дроги;
их гроб стоит дубовый,
н; а за гробом — новый.
новый слёзы вытер,
у — и уехал в Питер.

1855 г.

БНАЯ ВЗЯТКА]

Грустно молвил генерал:
«Это очень трудно!»

В третий раз понять я дал:
Будет — гривна со ста,
И воскликнул генерал:
«Это — очень просто!»

Питры «Современники»,
1875.)

[СУД]

На Литейной такое есть
здание,
Где виновного ждёт
наказание,
А невинен — отпустят домой,
Окавши ушатом помой.
Я там был. Не последнее

бедствие,
Доложу вам, судебное
следствие —
Юный пристав меня истерзал;
Прокурор, посевший

во бдеии,
Так копался в моём
поведении,
Что с натуги в истерику
впал;

Сторона утверждала
противная,
Что вся жизнь моя — цепь
непрерывная
Волюющих каких-то картин,
И содрал гонорар

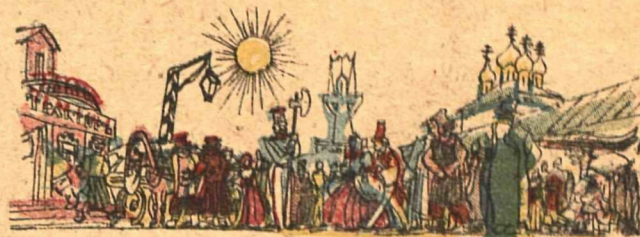
неумеренный,
Восклидал мой присяжный
поверенный:
«Перед вами стоит гражданин
Чище снега альпийских
вершин!..»

(Из сатиры «Современники»,
1875.)

* * *

Тщетно юноши рыщут
по балаам,
Тщетно барышни рядятся
в пух —
Вовсе нет стариков
с капиталом,
Вовсе нет с капиталом старух!

(Из сатиры «Валет»,
1866.)

По пьяным по головушкам
Играет солнце вешнее...
Хмельно, горласто,
празднично,
Пестро, красно кругом!
Штаны на парнях плисовые,
Жилетки полосатые,
Рубахи всех цветов;

По конной потолкался,
По взгорью, где навалены
Косули, грабли, бороны,
Вагры, станки тележные,
Ободья, топоры.
Там шла торговля бойкая,
С божбою, с прибаутками,
С здоровым, громким
хохотом.

На бабах платья красные,
У девок косы с лентами,
Лебёдками плывут!

А как не хохотать?
Мужик какой-то крохотный
Ходил, ободья пробовал:
Погнул один — не нравится.
Погнул другой, потужился,
А обод как распрямится —
Щёлк по лбу мужика!
Мужик ревёт над ободом,
«Вязовую дубиною»
Ругает драчуна.
Другой приехал с разною
Поделкой деревянною —
И вывалил весь воз!
Пьянёнок! Ось сломалась,
А стал её удельывать —

А есть ещё затейницы,
Одеты по столичному —
И ширится и дуется
Подол на обручах!
Заступишь — расфуфырятся!

Вольно же, новомодницы,
Вам снасти рыболовные
Под юбками носить!

Топор сломал! Раздумался
Мужик над топором,
Бранит его, корит его,
Как будто дело делает:
«Подлец ты, не топор!
Пустую службу, плёвую
И ту не сослужил.
Всю жизнь свою ты кланялся,
А ласков не бывал!»
(Из поэмы «Кому на Руси
жить хорошо», 1865.)

[КРЕСТЬЯНЕ О ПОМЕЩИКАХ]

— «Придёт пора последняя:
В кромешный ад провалимся,
Так ждёт и там крестьянина
Работа на господ!»

— Что ж там-то будет,
Климушка?
— «А будет, что назначено:
Они в котле кипеть,
А мы — дрова подкладывать!»
(Смеются мужики).

(Из поэмы «Кому на Русь
жить хорошо», 1872.)

Иллюстрация М. Черёмных

— Андрюша, устрой мне, пожалуйста...

О р а т о р

В ГАЗЕТЕ появилось сообщение:

«Наднях в большом зале облизполкома состоялось совещание сельских киномехаников. На совещании выступили товарищ такой-то, товарищ такой-то и др. Товарищ такая-то подчеркнула вопросы широкого охвата сельского зрителя, а также транспортирсовки кинокартин».

Как известно, в газетных отчётах о совещаниях мы редко пишем о репликах из зрительного зала и никогда не пишем о внешности и туалетах ораторов.

...Оратору, товарищу такой-то, которая подчеркнула вопросы широкого охвата сельского кинозрителя, было 14 лет. Поэтому нет ничего удивительного в том, что причёска этого товарища состояла из двух туго заплетённых коротких косичек, которые были украшены на концах синими бантами. При каждом повороте головы оратора поворачивались и синие банты, которые торчали в воздухе.

Туалет — платье в горошек.

Оратор положил на трибуну тетрадку и начал читать. С первых же слов этого выступления было ясно, что документ составлен под чьим-то сильным влиянием:

— За истекший отрезок времени...

После второй — третьей фразы девочка сказала:

— В отдельные дни мы даём по семь сеансов.

— Врёшь! — крикнули из зала мальчишеским голосом.

— Прошу не прерывать оратора, — строго напомнил председатель, начальник управления кинофикации, — можете попросить слова.

— А пусть говорит правду! — крикнул тот же мальчишеский голос.

Тогда оратор рассердился и начал отвечать быстро, сердито поворачивая голову в разные стороны. Синие банты так и мелькали в воздухе. Сначала девочка решительно отвела выпады со стороны оппонента:

— Сам врешь!

Зал зашумел. Но она, будто не слыша ни-

чего, быстро подняла над головой детскую руку, растопырила тёмные, загорелые пальцы и начала отсчитывать и загигать один за одним пальцы:

— На полевом стане — вот вам раз сеанс! У трактористов в вагончике — два! У косарей — три! Клуб колхозный — четыре!..

Она ещё не исчерпала пальцы одной руки, а в зале было уже тихо. Они-то, эти слушатели, знали, что значит иметь право поднять над головой и зажечь хотя бы пять пальцев — пять сеансов! Это значит идти и в дождь и в ветер. И кажется, что тебя кидает по грязной, раскатанной колёсами дороге.

Она отсчитала все семь сеансов и молча сошла с трибуны, даже не воспользовавшись правом бросить своему оппоненту взгляд победителя. Зал зашумел, закричал. Оратору устроили такую овацию, на какую только способны двести 14—15-летних сельских киномехаников.

Очередной оратор направился к трибуне. Но его быстро обогнал мальчишка с ремнём через плечо. Он был босиком. Сапоги остались около большого кресла: удобнее было в такую жару ходить босиком по бархатной дорожке, которой устлан пол в зале заседания. В сущности, здесь были все свои, и председатель — тоже старая знакомая.

Мальчишка обратился к ней:

— Раиса Ивановна! Можно задать вопрос предыдущему оратору?

Предыдущий оратор поднялся со своего места с полной готовностью принять новую атаку со стороны оппонента. А оппонент, так и стоя босиком посреди зала, спросил:

— Вы с немим ездите или у вас звуковка?

— Немого мы ещё прошлый год оставили. Звуковка.

Мальчишка насмешливо улыбнулся:

— Тогда что же... тебя, значит, на каждом переулке подвёда поджидает?

— Не поджидает. У нас на каждом переулке... бюрократизм был. Я на корове ездил.

— На какой корове?

— На комолой, — сказала девочка, чуть улы-

баясь, и было непонятно, издевалась она над своим оппонентом или в самом деле коротко и точно отвечала на его вопрос. — У нашей бабушки комолоя корова.

В зале засмеялись. Мальчишка пошёл к своему месту, сражённый, медленно переставляя босые ноги по бархату дорожки, как по траве. Тогда начала спрашивать Раиса Ивановна:

— Скажите, товарищ, теперь с транспортом лучше?

— А как же! — девочка трянула синими бантами, с какой-то весёлой гордостью сказала: — Меня не то что на углу ждут, — теперь встречу высылают. Вот что!

Э. БУРАНОВА

Новосибирск.

«КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА»

В Благовещенске местный кружок художественной самодеятельности клуба водников решил поставить инсценировку «Капитанской дочки» Пушкина.

О дне премьеры было объявлено в многотиражке и по радио. Вдруг хватились: нет рекламного щита у входа в клуб.

Немедленно вызвали местного художника:

— Нужно сделать срочно сегодня ночью рекламу.

— К «Капитанской дочке»?

— Да.

— По Пушкину?

— Да.

— Это про девушку — дочь капитана — и про любовь?

— Да, да.

— Ладно.

И ушёл.

Утром у входа в клуб стоял огромный трёхметровый щит. На щите надпись: «Клуб водников, премьеры «Капитанская дочка» по Пушкину». А ниже — нарисован корабль, плывущий по бурному морю. На капитанском мостике миловидная девушка держит штурвал, а молодой человек, бросившись перед ней на колени, протягивает к капитанской дочке руки.

Алеша перестроился

Администрация клуба «Луч зари» начала перестраивать свою работу. Вместо крикливых афиш об очередных танцевальных вечерах у входа в здание повесили для всеобщего обозрения новый план работы клуба:

«В понедельник — вечер вопросов и ответов. Во вторник — лекция из исторического цикла. В четверг — вечер обмена опытом.

В пятницу — беседа «Сегодня в Западной Европе».

На вечер вопросов и ответов явилось много посетителей.

В зрительном зале, из которого были убраны стулья, толпились люди, недоумевая, почему они должны стоять возле стен. Вдруг в зале появился Алеша, бесменный распорядитель на танцевальных вечерах.

— Уважаемая публика! — сказал Алеша. — Мы начинаем наш вечер вопросов и ответов. Маэстро, музыку!..

Раздвинулся занавес, а за ним оказалось неразлучное трио баянистов. Под звуки музыки на середину зала выпорхнула танцующая пара.

— Предлагается вопрос, — крикнул Алеша, — какой танец исполняется в данную минуту? Лица, давшие правильный ответ, будут премированы билетами на лекцию исторического цикла.

В зале поднялся шум. Но администрация доказала свою правоту, указав, что в афише ни слова не было сказано о том, какой теме посвящён вечер вопросов и ответов.

На следующий день проводилось второе мероприятие по новой программе — лекция из исторического цикла. Посетители вновь увидели перед собой неунывающего Алёшу. Он бодро произнёс:

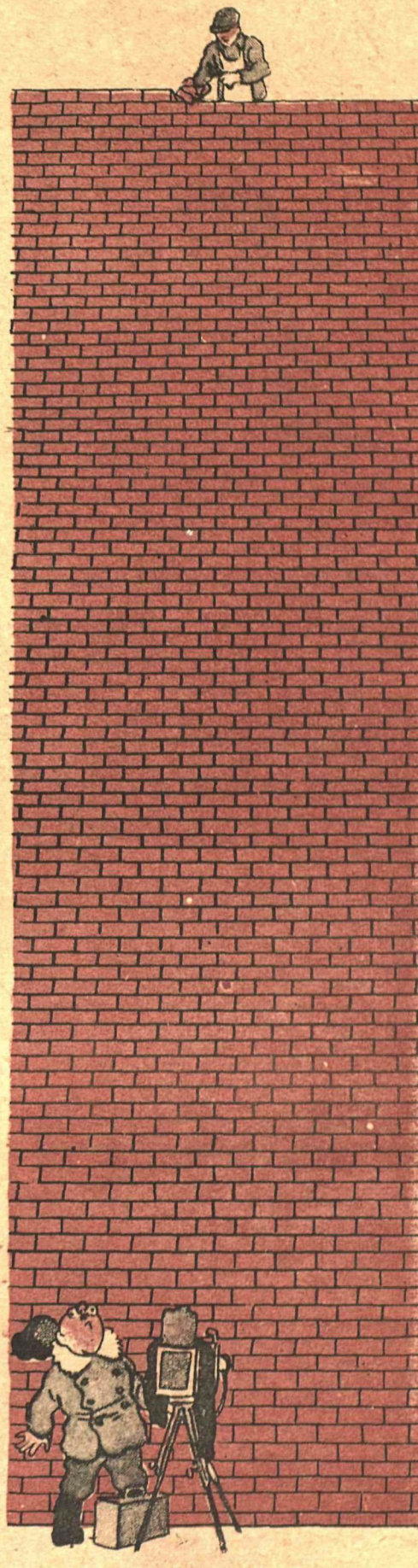
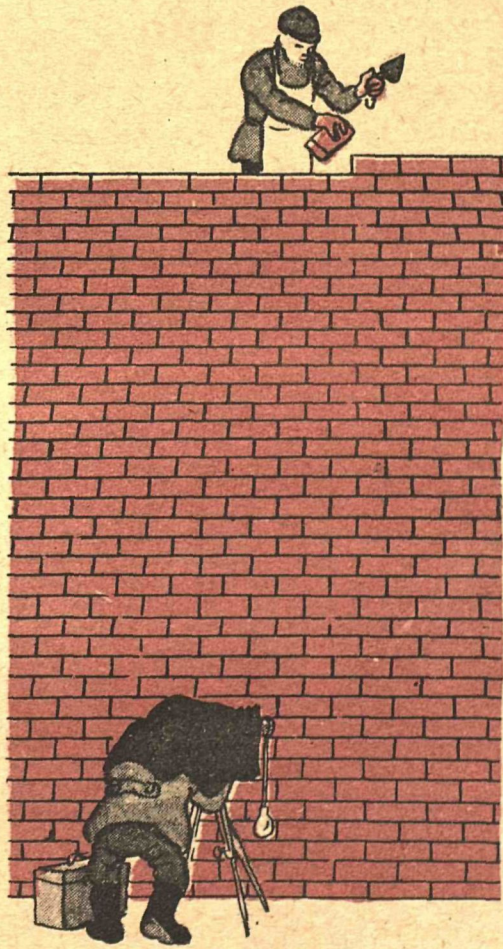
— Уважаемые граждане! Мы начинаем сейчас лекцию из исторического цикла с живыми иллюстрациями. Лекция посвящена истории эволюции танца. В иллюстративной части нашей лекции могут принять участие все желающие. Итак, о танцах. Танцы своими корнями уходят в глубь истории. Но, не забираясь в дебри веков, остановимся на эпохе вальса. Что такое вальс? Вальс — это бальный танец, основанный на плавном вращении вокруг собственной оси с помощью партнёра. Проиллюстрируем... Маэстро, музыку!

В конце месяца заведующий клубом писал отчёт о первых итогах работы по новому плану: «Взамен беспринципной танцевальщины мы организовали вечера вопросов и ответов, лекции на исторические темы».

А неунывающий Алёша выступал с очередной лекцией на тему: «Сегодня в Западной Европе».

— Характерно, — говорил Алёша, — что война не изменила облика бальных танцев в современной Западной Европе. Там попрежнему процветают фокстроты и танго. Проиллюстрируем... Маэстро, музыку!

Вяч, СЫСОЕВ

Известный киевский каменщик Иван Рахманин выполнил пять годовых норм и приступил к выполнению шестой.

С ПОДЛИННЫМ СКВЕРНО СЧАСТЛИВЫЙ ГРАМОТЫ НЕ НАБЛЮДАЕТ

Приказ № 17

За систематическое невыполнение моих указаний и игнорирование их, за систематическое статистику Лысенко Н. Г., а также срыв повседневной труддисциплины чем способствовали к низакрепление штата труддисциплины своими разговорами передачи указаний мной — ей. На основании положений каждый гражданин обязан выполнять указания вышестоящего товарища и в случае не верные указания, он обязан выполнять и жаловаться в вышестоящей организации, а не вступать в энтриги и не открывать собрания своими разговорами. В своей работе Лысенко Н. Г. не боролась за быстрейшее выполнение возложенных на неё задач, а оттягивала и путала. Учитывая, что Лысенко справить в работе нет возможности, как не поддающаяся с работы снять с 1—VII—46 г.

Уполномоченный Министерства заготовок Б. Лепетихинского района
СЧАСТЛИВЫЙ

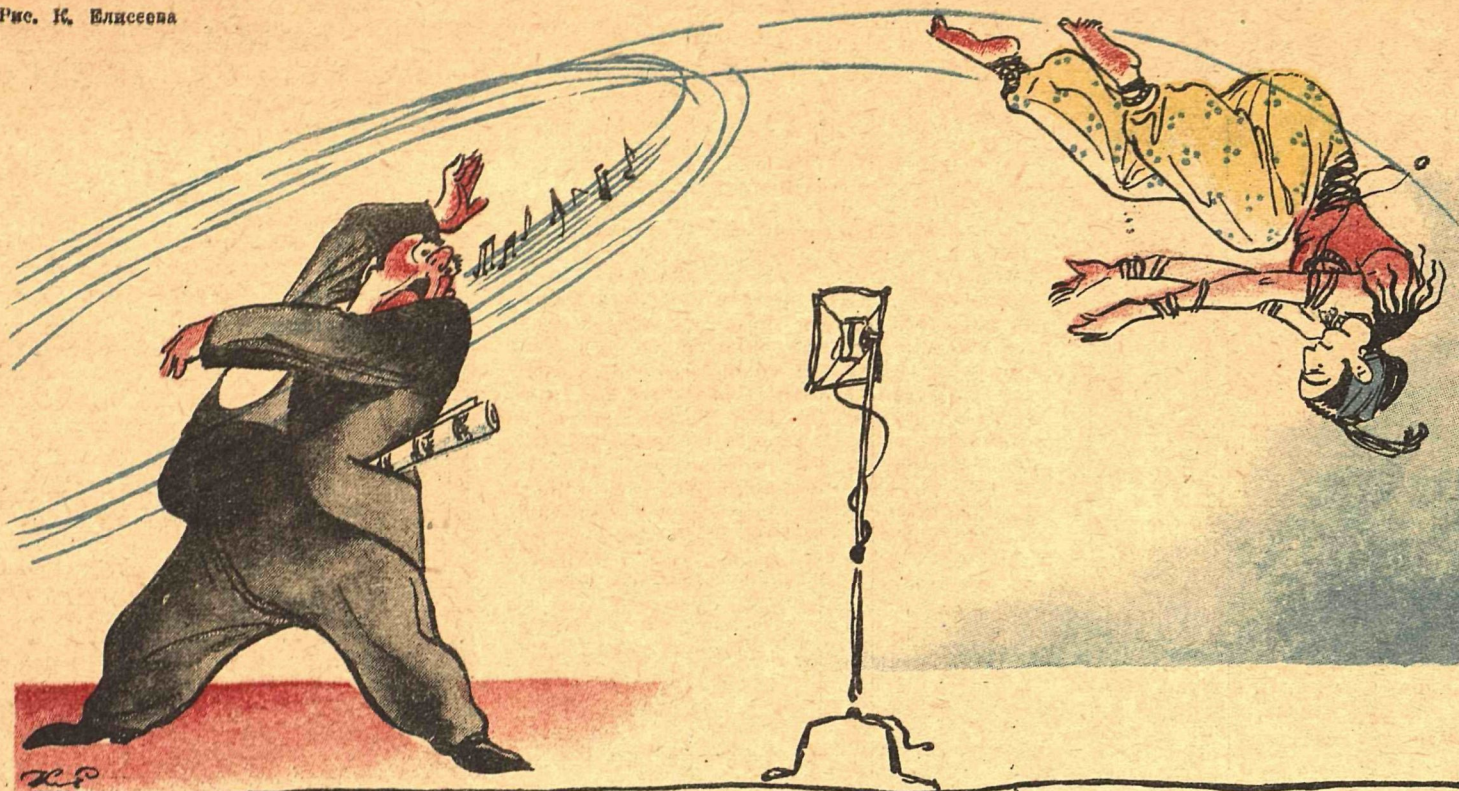
ЗА ЧТО ПРОВИНИЛИСЬ ВЛАДЕЛЬЦЫ?

Выписка из постановления исполкома Володарского райсовета депутатов трудящихся (Горьковской области), опубликованного в районной газете «За родину»:

«Обязать всех владельцев собак содержать на привязи и выпускать только в намордниках».

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ФОТОСЪЕМКИ

Как ни спешил фотограф бойкий,
Но не поспел за темпом стройки.

НА ПРОСТОРЕ РАДИОВОЛНЫ

— В последний раз бросаю персидскую княжну в эту волну и—точка...
 • Пора переходить на новый репертуар.

КАК РУХНУЛ ЯНУС

У ТОВАРИЩА Брыксина имеется два лица. Они сменяют друг друга с необыкновенно быстрою. Вот только что тучное тело тов. Брыксина завершалось лицом № 1 — любезным, улыбающимся и даже угодливым. И вдруг на месте лица № 1 мы зрим физиономию № 2, она сурова, непреклонна, брезглива, жестока и сварлива.

Лицо № 1 появляется у Брыксина в те мгновения, когда он общается с начальством. А уж физиономия № 2, само собой разумеется, назначена прямым подчинённым.

За двуличность эту сотрудники Брыксина прозвали его Янусом, ибо, как известно по Малой советской энциклопедии, древнеримское божество Янус изображалось с двумя лицами.

Итак, Янус-Брыксин, применяя оба свои лица с удивительной даже маневренностью, некоторое время возглавлял некую снабконтору.

А надо сказать, что контора, коей управлял Брыксин, осуществляла свою деятельность в городском масштабе. Конторе, следственно, подчинялись районные конторочки. И, естественно, над конторой стояла Конторища областного значения.

И вот однажды, когда Янус-Брыксин сидел у себя в кабинете, зазвонил телефон. Брыксин поднял трубку и, узнав голос своего начальника, управляющего областной конторой, молниеносно скривил лицо № 1. Он заговорил сладким тенорком, присвоенным этому лицу:

— Слушаю вас, Иван Прохорович.

— Ну-ка, дружок,— солидно пророкотал голос управляющего,— скажи мне, какие у тебя есть остатки на сегодняшний день. Ты меня слушаешь?

— Всецело слушаю, Иван Прохорович!..

— Ну так вот. Какие у тебя есть остатки по таким, понимаешь, графам... Бери карандаш, записывай.

— Уже, Иван Прохорович!.. Как вы только позвонили, карандаш, хе-хе, сам же в руку прыг!..

— Ну, ну. Значит, дай ты мне точные цифры по подмёткам, подпругам и подтяжкам. Записал?

— Уже, Иван Прохорович. Жду дальнейших директив.

— Та-ак. Теперь — дашь ещё цифры по скребницам, стамескам, сковородкам. Дальше — по топорищам, табуреткам, тюфякам. И — по кастрюлям, корытам, купоросу. Ясно?

— Всё ясно, Иван Прохорович. Разрешите только снести с нашей Семёновской район-

торой: этот ассортимент — всецело на ихней базе, Иван Прохорович!..

— Ну, что ж. Снесись. А я подожду у аппарата, поскольку задание, понимаешь, срочное!..

— Слушаюсь, слушаюсь, Иван Прохорович. Я это мигом!..

Тут Брыксин положил на стол телефонную трубку самым деликатным образом, дабы лишним треском не обеспокоить слух Ивана Прохоровича, и стал по другому телефону вызывать заведующего Семёновской райконторой. С этой райконторой, как и следовало ожидать, Брыксин разговаривал уже не сладким тенором, но хрипловатым басом, соответствующим суровой физиономии № 2.

— Откуда говорят? — рявкал в трубку Брыксин. — Райконтора? Гусяцкого мне!.. Что? Где он шляется?! Совещание? Прекратить! Брыксин говорит.

Затем, отняв от уха трубку № 2, наш Янус сладостно проворковал в трубку № 1:

— Иван Прохорович?.. Сей момент всё общим. Цифры уже обрабатываются.

И опять зарывал в трубку № 2:

— Долго я здесь буду?.. Кто это? Гусяцкий? Какого ты чорта не подходишь сам и ещё задерживаешь цифры?! Мне Иван Прохорович звонит, а я должен из-за тебя ушами хлопать. Так? Сию же минуту дай мне остатки по... да ты записывай, нечего баклуши бить!.. То-то. Значит: подмётки, подпруги, подтяжки... подтяжки, а не подвязки! Ну, да. Слушать надо! Дальше: скребницы, стамески, сковородки; топорища, табуретки, тюфяки; кастрюли, корыта, купорос... Что? Купорос не у тебя?! Как так?! Хотя да. Купорос у нас на седьмом складе. Ладно. Давай, значит, цифры по всему остальному ассортименту. А купорос я уточню сам... Нет. Трубку не клади.

Бросив на стол трубку № 2 (пусть это грохотом отдаётся в ухе подчинённого), Янус ухватился за трубку № 1:

— Иван Прохорович?.. Цифры уже пошли. Они вот-вот придут. Они уже подошли... Они уже в дверях стоят, можно сказать, хе-хе, галлоши снимают эти цифры... Одну секундочку, Иван Прохорович!..

Бесшумно приложив трубку к столу, Брыксин хлопнул себя по лбу и стал искать в своих папках сведения по купоросу. А найдя такие сведения, он опять обратился к телефону.

И вот тут-то произошла, как говорят в театрах, «накладка»: Янус-Брыксин перепутал трубки.

Поднеся к уху трубку № 1, у которой ожидал сведений вышестоящий Иван Прохорович, наш Янус почему-то решил, что в руках его трубка № 2. Поэтому он и заговорил в духе, предназначенном своему подчинённому, Гусяцкому.

Так как в трубке № 1 что-то трещало, то свою речь Брыксин начал так:

— Что ты там квакаешь? Что квакаешь? Работать надо толково, а не квакать!..

Иван Прохорович, как видно, пытался выразить своё удивление по поводу странного тона, каким заговорил с ним Брыксин. Но наш Янус не желал слушать, что ему отвечает «Гусяцкий». Его, как говорится, понесло. Прорвало. Он орал:

— Вообще я до вашей конторы доберусь! У меня есть на вас материал! Вы там все лодыря гоняете, а отдуваетесь на мне, да? Этот номер не пройдёт, голубчик!

Шваркнув трубку № 1 об стол, Брыксин вежливо поднёс к уху трубку № 2 и сообщил Гусяцкому:

— Последнюю секундочку, дорогой мой! Ну, вот сейчас, сейчас...

И опять стал кричать на своего начальника:

— Долго это безобразие будет продолжаться?! Эти цифры должны быть у вас самих наготове каждый день! А то, знаете, дураков нет с вами в поддавки играть!.. В случае чего я так подстрою, что ты попадёшь в приказ по министерству!.. Да, да: именно как губошлёп и головоотяп... Я, брат, не буду ждать, когда Госконтроль надумает тебя проверить. Я сам раскрою все карты. Так-то!

И снова — в трубку № 2:

— Вы не устали ещё?

А оттуда послышался голос Гусяцкого:

— Помилуйте, товарищ Брыксин, это же наша обязанность. Вот они — остатки по подмёткам, подпругам, подтяжкам...

— Кто это говорит? — дрогнувшим голосом спросил Янус.

— Как кто? Гусяцкий вам докладывает. Вы же у нас запрашивали остатки по подмё...

Но неудачливый Янус уже схватился за трубку № 1. Она зловец молчала.

Янус-Брыксин некоторое время сидел, уставясь глазами в пятно на обоях. Лицо у него было ни № 1 ни № 2, а совсем другое — № 3.

кислое и злое.

В. АРДОВ.

ИЗ МИРА ФЕНОМЕНОВ

ВЫСТУПАЯ на эстраде, известный артист-мнемонист С. Шерешевский изумляет аудиторию своей феноменальной памятью: он мгновенно запоминает наизусть сложные таблицы цифр, любой словесный материал на всех языках мира, сотни букв в различных сочетаниях и т. п.

Но есть, пожалуй, одна цифра, в которой С. Шерешевскому скоро начнёт изменять его необыкновенная память: он уже сейчас слегка запинаясь, подсчитывая, сколько раз в течение десяти лет он обивал пороги Советского райисполкома Москвы, сколько раз он кланялся председателю этого райисполкома тов. Егорову (не считая его предшественников) и начальникам райжилотдела, включая нынешнего начальника тов. Монича.

А между тем в исходе этого дела; скажем прямо, заинтересован далеко не один С. Шерешевский. Виднейшие специалисты, как, например, академики Л. Орбели, Гращенков и Рубинштейн, крупнейшие научные учреждения, как Государственный институт психологии, удостоверяют:

«С. Шерешевский в течение многих лет служит объектом изучения физиологов и психологов, как явление, почти беспримерное не только в Советском Союзе, но и во всём мире».

Удостоверяют и ходатайствуют: в целях сохранения здоровья этого человека, представляющего огромную ценность для науки, дайте ему приличное жильё вместо неприличного и вовсе негодного, в котором он ютится!

Но для деятелей Советского райисполкома все эти просьбы и доводы оказываются мало убедительными. Десять лет они водят за нос обещаниями тов. Шерешевского: «Подумаешь, какой-то мнемонист! Экая важная птица!»

Характерная подробность: эту «научную точку зрения» районных товарищей не смогли поколебать даже прямые указания в пользу Шерешевского со стороны заместителей председателя Моссовета тт. Астафьева и Абрамова.

Изучая на Шерешевском природу высших форм памяти, советские учёные черпают много интересных и важных данных. Жаль, что они до сих пор не занялись ещё одним специальным вопросом: в непосредственной связи с судьбой известного мнемониста наука могла бы пролить яркий свет в ещё мало изученную область психологии и физиологии бюрократизма.

М. ЛЬВОВ

ТУРУСЫ НА КОЛЕСАХ

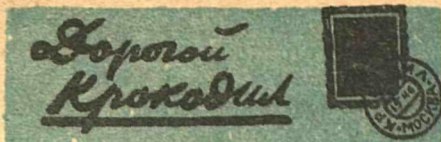
Под заголовком «Мельница на колёсах» газета «Забайкальский рабочий» недавно потрясла своих читателей сообщением о том, что один из райпищепромов

«приобрёл передвижную мельницу для обмола зерна. Она проста по конструкции. Вся установка: двигатель, жернова и другое оборудование—легко устанавливаются на автомашину, могут перевозиться и конным тяглом».

В эксплуатации она уже обмолачивала до 6 тонн зерна в сутки».

Вполне допускаем, что иной журналист по невежеству способен молотить чепуху. Но никоим образом не можем поверить, что мельница способна молотить зерно. Обычно она его не обмолачивает, а размалывает.

Поэтому заголовок заметки в газете явно чуждачен. Правильнее её будет озаглавить: «Турусы на колёсах».

(ШЮБМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Уважаемый Крокодил!

Начальник Хабаровского краевого управления Госстраха тов. Воронин и его заместитель тов. Молодцов издали брошюру, разъясняющую важность государственного страхования жизни трудящихся. Такого рода брошюры, конечно, нужны. Но авторы их должны быть застрахованы от публикации фактов, опояляющих дело страхования.

Среди названных в брошюре лиц, коим выплачены страховые пособия, фигурирует семья Ф. П. Н., умершего от отравления алкоголем; П. Д. Д., который «в выходной день в нетрезвом состоянии повредил челюсть в быту»; Н. С. А., «получивший шрам на лице во время семейной ссоры», и т. д.

Поскольку, как указывают авторы, брошюра является выпуском I, рекомендую им не выпускать на арену в следующих своих произведениях хулиганов и алкоголиков. Популяризовать драки, хотя бы и в семейном масштабе, не к лицу государственному учреждению.

Е. ДОРОДНОВ

г. Комсомольск на Амуре.

Уважаемый Крокодил!

Помнишь сказку «Терем-теремок»? Так вот, жизнь нашего Радиокomiteта очень напоминает эту сказку.

Стучится как-то облесполком в Радиокomiteт: «Радиокomiteт, Радиокomiteт, кто в Радиокomiteте живёт? Ах, «Последние известия», литературно-художественное вещание и другие отделы... Очень хорошо. Будет жить теперь с вами Дом народного творчества». Потеснился Радиокomiteт и пустил к себе Дом народного творчества. Понравилось это облесполкому. Стучится снова в Радиокomiteт. И на этот раз вселяет Театр кукол и эстрады.

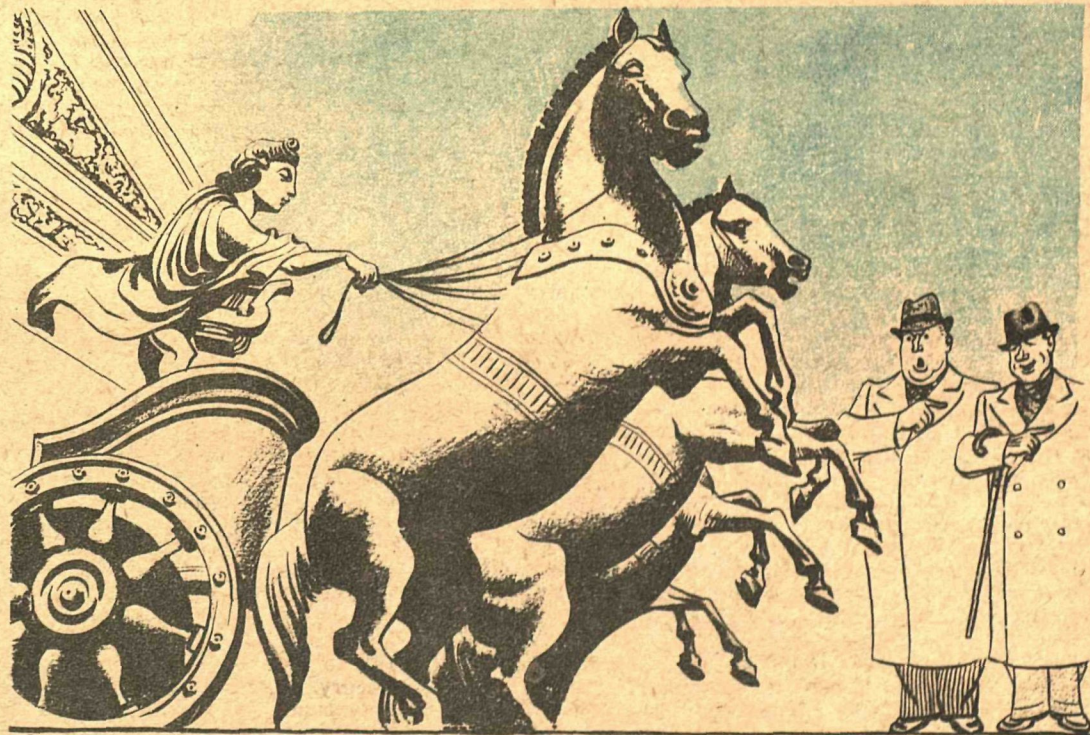

Рис. Бор. Ефимова

НА ОЧЕРЕДНОЙ КОНЦЕРТ

— Куда прикажете везти?
— «Налево», конечно.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КАТАЕВ, КУКРЫНИКСЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), Г. РЫКЛИН (отв. редактор). Рукописи не возвращаются

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. «Правды», 24, тел. Д 3-32-50, Д 3-33-47. Приём ежедневно с 1 до 5 часов. Подписная цена на журнал—3 руб. 20 коп. в месяц.

Изд-во ЦК ВКП(б) «Правда»

Изд. № 708. Подп. к печати 4/II 1946 г.

Статформат 72 × 105 см. Печ. л. 1½.

Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000.

А 08649

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Тираж 150 000 экз.

Заказ № 2747

НОВЫЙ РОБИНЗОН

— Какая удача! Я попал, кажется, на непекаемый остров!